

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗАГАДКИ. КОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ

**М. Л. Ковшова,
О. С. Орлова**

*Институт языкознания Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию загадок в русле когнитивно-культурологического направления как знаков языка, сознания и культуры. В фокусе внимания находятся особенности отражения в загадке процессов категоризации и концептуализации мира, исследуются формы и способы воплощения разных типов информации в загадке. В статье изучается семантическая структура загадки; разрабатываются когнитивный и культурологический комментарий. На примере русской народной загадки и загадки англоязычной культуры показано, как когнитивный комментарий, представленный в таблице, раскрывает структуру метафоры в загадке, а культурологический комментарий служит декодированию разных типов культурно-языковой информации, которая хранится в загадках и формирует ее семантику.

Ключевые слова: загадка, семантическая структура загадки, денотат, образ, метафора, фрейм, когнитивный и культурологический комментарий.

UDC 81'371
LBC 81.411.2-5

Date of receipt of article: 17.12.2020
Date of publication decision: 23.12.2020

ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF RIDDLES. COGNITIVE AND CULTURALOLOGICAL COMMENT AS A MEANS OF RESEARCH

**M. L. Kovshova,
O. S. Orlova**

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article deals with riddles as signs of language, mind and culture in the framework of cognitive and culturological studies. The focus is on the ways of categorization and conceptualisation of the world in riddles, the research of the ways of representation of different types of information in these signs. The paper is concerned with the semantic structure of riddles and the development of cognitive and culturological comments. The examples of folk Russian and English riddles are used to demonstrate how the cognitive comment represented in a table shows the structure of a riddle metaphor, and how the cultural comment serves as a means of decoding of different types of linguistic and cultural information preserved in riddles, which forms the semantics of riddles.

Keywords: riddle, semantic structure of riddles, denotation, image, frame, metaphor, cognitive and culturological comment.

Антропологический поворот в науке конца XX века предопределил начало когнитивно-культурологического пути в лингвистике, при котором языковой знак

рассматривается как целостный объект – знак языка, сознания и культуры. Таким объектом, несомненно, является и загадка. Назначение загадок изначально «состояло в классификации и сериации состава мира, первых формах осознания принципов организации мира <...> защитных механизмов человека от случайного, непредвиденного, страшного, чем чреват мир» [17, с. 29]. В традиционной загадке запечатлены исходные способы категоризации и концептуализации мира, отражен гносеологический образ действительности, имеющий концептуальное прочтение в народной культуре. К загадкам в полной мере применимо сформулированное В. Н. Телия положение о том, что существующая в образных знаках языка «система образов служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [14, с. 215].

Загадка представляет собой уникальный словесный знак, который может описываться в разных аспектах – как фольклорный жанр, как текст, как единица речевой коммуникации, наконец, как образное языковое выражение высокой степени протяженности. В связи с этим в определениях, которые даются загадке в разных филологических дисциплинах, подчеркиваются те или иные ее знаковые, структурно-семантические и функциональные особенности.

Так, в фольклористике загадка – малый жанр фольклора, «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [1, с. 56]. В коммуникативной лингвистике исходным считается определение, данное в Толковом словаре В. И. Даля, где загадка трактуется как «иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [2, с. 566]. В то же время, загадка – «текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно неназванный и исчерпывающим образом не описанный» [11, с. 283]. В загадке как знаке языка основное свойство исходного денотата представлено в образе другого денотата; разгадывание состоит в установлении подобия между исходным и преобразованным денотатами [4]. В науке о фразеологии загадки относят к паремиям и определяют как «короткие игровые тексты, в которых дается нарочито усложненное описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдаленного сходства между ними» [5, с. 7]. По тем или иным признакам загадка сходна с другими, имеющими свои отличительные особенности, словесными знаками иносказательного типа – притчами, эвфемизмами, фразеологизмами, пословицами. Так, вопросы загадочности идиом и идиоматичности загадок, совпадающих образов и формул в идиомах и паремиях подробно освещены в работе [6]. Тем самым, загадка может трактоваться как «традиционное словесное выражение, состоящее из одного или более описывающих компонентов. <...> Референт должен быть разгадан» [18, с. 113].

По нашей гипотезе, загадка – это комплексный словесный знак, который с игровой целью намеренно разделен на две части – на денотат и его образное описание. Пропозитивная формула загадки: «S – это P», где S – исходный денотат (загаданный референт); P – преобразованный денотат; ср.: (S) Морковь – (P) *Сидит девица в темнице, коса на улице*. В игровых целях P предшествует S; ср.: (P) *Сидит девица в темнице, коса на улице* – (S) Морковь. В загадке все подчинено игре; в ходе игровой коммуникации один участник загадывает загадку, а другой разгадывает; один озвучивает образную, характеризующую, часть загадки (например, *Зимой и летом одним цветом*), а другой должен по названным характеристикам определить подобия, выбрать среди них и назвать загаданный предмет, то есть озвучить денотативную часть загадки («ель, сосна»). Для сравнения, у фразеологизмов-идиом другая задача – образно описать происходящее и выразить отношение к нему; потому

в идиоме со сходным образом (*зимой и летом одним цветом*) денотат ('о единообразии в одежде') не отгадывается, а воспринимается в семантическом слиянии с образно-мотивационным и оценочным компонентами. Идиома почти всегда выражает оценочную позицию; загадка же свободна от концептуализации этических оценок. Образы в идиомах служат для яркого, порой гротескного описания происходящего; неожиданный образ в загадках усложняет задачу его "воссоединения" с денотатом. По условиям игры образ и денотат, оба принадлежащие загадке, дистанцированы друг от друга, разведены по субъектам (адресант и адресат загадки), по времени – сначала адресант называет образ, затем адресат называет денотат, по размещению загадочной части и отгадки в сборнике (отгадка часто дается в скобках, в перевернутом виде, может быть перемещена на другую страницу/в конец сборника). Тем не менее, в результате отгадывания образ и денотат "воссоединяются", по завершении игры загадка предстает во всей целостности. Иначе говоря, в силу своего игрового предназначения загадка разделена на загадочную часть и отгадку; в устной игровой коммуникации, как и в сборнике загадок, эти составные части загадки разнесены по разным "опциям": адресант/сборник называет образно-мотивационную часть загадки – адресат/ответ в сборнике указывает ее денотативную часть. С игровой целью части загадки в начале игровой коммуникации разделяются, в конце – воссоединяются. Отгаданная загадка навсегда фиксируется в сознании носителя языка в виде целостного знака. Из сказанного следует, что семантику загадки составляет денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); два этих компонента формируют семантику загадки и ее состав как комплексного словесного образного игрового знака.

Когнитивно-культурологический подход к исследованию загадки предполагает сделать акцент на способах категоризации и концептуализации мира в загадке, на формах воплощения в этом знаке разных типов информации. Как показывает анализ материала, денотация в загадке представляет собой объективное содержание, соотносимое с классом обозначаемых. При этом важно отметить, что представление о загаданном денотате образуется в результате категоризации, на которую влияют не объективно существующие те или иные признаки денотата, а стереотипное, т.е. минимизированное, инвариантное, устойчивое представление о нем [7, с. 127]. Тем самым, загадка выполняет функцию знакового замещения не самого денотата как представителя класса, а стереотипного видения этого денотата. Применяя идеи В. Н. Телия, высказанные ею в отношении идиом, к описанию семантики загадок, добавим, что для кодирования денотата взаимодействуют «знания категоризирующие и знания "сценарные"», эти знания «упаковываются» во фреймы классифицирующий и ситуативный [14, с. 175], которые симультанно осуществляют "монтаж" загадки, производят уподобление исходного денотата – денотату преобразованному. Образно-мотивационная "часть" в загадке (т.е. образ, или преобразованный денотат) репрезентирует культурно маркированный взгляд на мир, прежде всего – на предметы материального мира. Культурно маркированная лексика (*кисель, дровни, соха, прясло, пыл* и т.п.) составляет верхний слой "залегания" культуры в загадке, однако в этом древнем знаке живодействуют (выражение В. Н. Телия) и более глубокие, архетипические и мифологические, "слои" культурной информации, которые могут быть не столь очевидны для современного адресата и реконструируются только методом глубокой интроспекции, тренированной рефлексии или по косвенным признакам [9].

В процессах кодирования и декодирования объектов окультуренного мира "Действительное" действуют разные механизмы, "запускающие" те или иные типы знаний:

- знания о мире как типовые представления о предметах и событиях действительности, в том числе знаний об особенностях труда, жизни и быта в народной культуре;

- знания о языке, образуемые знанием слов, их значений и т.п.;
- знания духовной сферы, миропредставлений, свойственных народной ментальности, знания из области народной поэзии, мифологии и т.п.

В качестве основного метода экспликации разных типов знаний при кодировании и декодировании загадки предлагается ее комплексный когнитивный (фреймовый) и лингвокультурологический анализ с составлением соответствующего комментария.

Чтобы реконструировать кодирование исходного денотата в загадке, необходимо: 1) наглядно представить ее метафорическую модель, показать, как происходит своеобразное “наложение” одной понятийной сферы на другую, объяснить “логику” загадки и, тем самым, указать пути ее успешного декодирования; 2) формализовать культурные смыслы загадок, описать референцию данного знака к пространству культуры.

При создании комментария в описании загадок мы опираемся на принципы, разработанные В. Н. Телия для описания фразеологизмов-идиом в Большом фразеологическом словаре русского языка; см. подробнее [15, с. 781–782]. В настоящем исследовании с помощью **двойного комментария** – когнитивного и культурологического – загадка разворачивается и предстает как насыщенный информацией текст; такое описание позволяет “вжиться” в саму логику загадывания, отвечающую особенностям народной ментальности и культуры, а также выявить протекающие в сознании адресата, современного носителя языка, процессы декодирования загадки.

Когнитивный комментарий репрезентирован в таблице, которая раскрывает “устройство” метафоры в загадке, включая исходную понятийную область, новую понятийную область, фреймы, относящиеся к данной модели, типовые слоты, которые составляют какую-либо часть фрейма, компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы, охватываемые данной моделью, дискурсивную характеристику модели и продуктивность модели; см. подробнее [8; 10]. В культурологическом комментарии (включающем в себя этимологическую, страноведческую и собственно культурологическую информацию) по необходимости сообщается этимология, проводится соотнесение образа загадки с кодами культуры, фактами из истории народа, с особенностями труда и быта, с архетипами, мифологическими представлениями, обрядами, ритуалами, библейскими притчами, с фольклорными образами, литературными сюжетами; указывается культурно-семиотическое назначение загадки – служить сохранению и закреплению стереотипов, символов, эталонов, мифологем и т.п. Описание культурных смыслов в загадке опирается на идею модели мира как системы бинарных оппозиций, которая в упрощенном виде дает исходное представление о мироустройстве, как оно понималось в народной культуре. Загадка также рассматривается во взаимосвязи с кодами культуры, в которых объединены различные сущности (тело, артефакты, природные явления, животный и растительный мир и т.п.), обретшие второй, символический, смысл. Культурологический комментарий призван адекватно обозначить контуры знаний, представлений, ассоциаций, которые вызывают образы загадки в сознании адресата (в силу его языковой и культурной компетенции), и изложить все в виде связного текста. Комментарий создается с опорой на глубокую интроспекцию и апеллирует к сознанию читателя. Помимо его верификации при обсуждении исследователями и путем экспериментального опроса носителей языка (как лингвистов, фольклористов, так и рядовых носителей), культурологический комментарий проходит проверку читателями (в том числе данной статьи).

Исходя из указанных выше положений, проведем анализ загадок русской и англоязычной культуры и представим в кратком виде их когнитивный и культурологический комментарий.

Русская народная загадка **Сорока под пыл летала**. – Уполовник [13, № 352].

Рисунок 1. Уполовник.

Таблица 1

Когнитивный комментарий 1

	Уполовник	=	Сорока под пыл летала
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
Типовые сценарии	Артефактивная	X	Зооморфная, природная, кулинарная
Фрейм / фрагмент	Уполовник зачерпывает горячую еду, приготовленную в печи	Элемент 1 свершает действие с элементом 2, перемещаясь в его локус	Сорока летит под пыл
Признаки типовых ситуаций:			
Слоты	Уполовник	Элемент 1	Сорока
Конкретизация фрейма	Рукоятка уполовника	Составная часть элемента 1 (форма)	Хвост сороки
Элементы ситуации	Зачерпывание еды уполовником	Действие с перемещением в другую среду	Полет сороки под пыл
	Горячая еда в горшке, приготовленная в печи	Элемент 2 (свойство – горячий)	Пыл

Культурологический комментарий.

Уполовник – «поваренка, чумичка, ковш на долгой рукоятке, черпачок устряпух, коим мешают варево, и убавляют, сливают, чтобы оно не ушло» [3, с. 489]. Уполовник уподобляется сороке на основании внешнего сходства выделяющего их признака – «хвоста». Хвост есть и у других птиц, однако именно сорока отличается контрастным оперением и красивым, длинным хвостом, который заметно длиннее туловища. Образ загадки прочитывается сквозь пищевой код культуры, к которому «ведет» слово *пыл*; ср. известное носителю языка образное выражение *с пылу с жару*.

Образ сороки и уполовника издавна связаны по теме еды в фольклоре, прежде всего в сказках и детских потешках. Ср.: *Сорока суп варила-варила, да и свалилась в горшок вниз головой; Сорока-белобока кашку варила, Деток кормила.*

В загадке использован образ летящей под пыл сороки для описания движения уполовником при переливании горячей пищи – уполовник, подобно сороке, пересекает границу и попадает в другую “среду”. Данный образ восходит к древнейшим представлениям: в мифологическом сознании сорока наделялась демоническими свойствами, поскольку представлялась вестником между лесом (чуждым человеку пространством, опасным местом, в котором обитают звери и чудовища) и деревней (миром человека). В целом, загадка кодирует стереотипный образ длиннохвостой сороки; в легко представимом уподоблении кодируются знания о бытовом предмете (ковше с длинной ручкой, уполовнике); в загадке также поддерживается “птичья” метафора в изображении предметов быта, отвечающая принятому в зооморфном коде культуры символическому назначению птичьих образов (изготовление кухонной утвари в форме уток, гусей, вышивание на полотне петухов, роспись по дереву, ср. также “птичьи” элементы в деревянном зодчестве, народном костюме и др.). Отметим в дополнение, что ассоциативная связь сороки и уполовника в народной культуре закрепляется также по другому основному признаку сороки – способности длительное время издавать пронзительные прерывистые звуки. Так, сорокой в народе называют «болтливого человека» [3, с. 275]; ср. «Знать сорочку по языку» [3, с. 275]. О сплетнике также говорят – *уполовник*; ср.: «Он на все горшки уполовник (сплетник)» [3, с. 489].

Добавим к рассмотренному выше примеру еще две русские народные загадки с “птичьей” метафорой и дадим им комментарий (фрагмент).

Летит орел через немецки города, / Берет орел ягоды зрелы и незрелы – Смерть [13, № 2035].

Образы в загадке соотносятся с зооморфным, пространственным, растительным кодами культуры. Орел считается царем среди птиц, его образ издревле символизирует власть. Ср. в пословицах: *Орел – всем птицам птица; Орел границ себе не знает и выше облаков взлетает.* В мифологии орел летает между небесами и преисподней; приносит вести, выполняя волю Божию. Немецкие города в образе загадки обозначают неведомое далекое пространство, как издревле представляли смерть. Чуждость и дальность этого пространства символизирует образ немецких городов; ср. этимологию слова *немец* – «немой», не говорящий по-русски. Ягодам как плодам на древе жизни уподоблены люди; зрелые ягоды – старики, незрелые – молодые и дети. В целом, образ загадки символизирует наступление участи, уготованной свыше и неизбежной для любого человека.

Белый лебедь на яйцах сидит. – Снег [12, с. 27].

В загадке снег, лежащий на земле, уподобляется лебедю, сидящему на яйцах. Как лебедь долго сидит на яйцах, укрывая их собой, так всю зиму, по стереотипным представлениям, лежит снег в России, укрывая землю. Образ лебедя в фольклоре и художественной литературе всегда связан с белым цветом как символом чистоты и красоты; ср. *белая лебедушка*. В народной картине мира снег является эталоном белизны и чистоты; ср. поговорки: *Белей снегу белого; Бел снег на черну землю, и то к лицу!* Ср. закрепленный во фразеологии образ снега как эталона белизны и чистоты [16, с. 70]. Ср. также народное поверье, в котором проявляется устойчивая цветовая ассоциация: *Лебедь несет снег на носу*. В целом, образ загадки символизирует снег, покрывающий землю.

От русских загадок перейдем к загадке англоязычной культуры:

A black hen sitting on red aiggs. – Pot sitting on fire (Черная курица сидит на красных яйцах. – Горшок на огне. – *Перевод наш*) [19, №375b].

Рисунок 2. Горшок в печи.

Таблица 2

Когнитивный комментарий 2

	Pot sitting on fire	=	<i>A black hen sitting on red aiggs</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
Типовые сценарии	Артефактивная, кулинарная	X	Зооморфная, природная
Фрейм / фрагмент Признаки типовых ситуаций:	Горшок с едой находится на огне некоторое время	Положение элемента 1 локализовано в элементе 2 на время t	Черная курица находится на яйцах некоторое время
Слоты Конкретизация фрейма	Горшок с едой Закопченный от огня – черный	Элемент 1 цвет	Черная курица
	Посажен в печь на время t	Ситуация	Сидит на красных яйцах время t
Элементы ситуации	Раскаленные угли	Элемент 2 Цвет, форма	Красные яйца

Культурологический комментарий.

Горшок стоит в печи на раскаленных углях, пока готовится еда, подобно черной курице, которая сидит на яйцах, высиживая птенцов. Образы в загадке соотносятся с зооморфным, цветовым, кулинарным (гастрономическим) и временным кодами культуры. Образ курицы на яйцах означает горшок на углях, в основу образа легли устойчивые гастрономические связи. См. стереотипные представления о кулинарных обычаях, англ. традиционные яйца на завтрак, куриный бульон (*chicken broth/soup*); шотл. куриный бульон, заправленный луком (*cock-a-leekie soup*) и др. Ср. образ курицы-кормилицы, несущей яйца, в фольклоре: *Hickety, pickety, my black hen, / She lays good eggs for gentlemen; / Gentlemen come every day, / To see what my black hen doth lay*. Черный цвет, по стереотипу, соотносится с черным цветом закопченного горшка; красный цвет издревле символизирует огонь. В целом, в загадке закодирован процесс медленного приготовления пищи как животворного ее создания.

Заключение. Когнитивно-культурологическое направление в науке о языке подходит к исследованию словесного знака любой протяженности как знака языка, сознания, культуры. Когнитивный и культурологический комментарий в описании загадок отвечает одной из важнейших задач – соединить историю этого комплексного словесного знака, сам “механизм” создания загадки с ее восприятием и употреблением, “вжиться” в происходящий в сознании человека процесс референции загадки к разным типам знания и, в перспективе, эксплицировать этот процесс в словаре загадок.

Список источников и литературы

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. 239 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1955. Т. 1. 699 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4: Р–Я. 667 с.
4. Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989. 128 с.
5. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: URSS, 2019. 395 с.
7. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
8. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического анализа // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 35: Взгляд в будущее. Новые перспективы когнитивных исследований языка. С. 44–51.
9. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. С. 97–101.
10. Орлова О. С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 403–413.
11. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник : Пословица, загадка : Структура, смысл, текст. М.: Наука, 1978. С. 283–314.
12. Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука, 1968. 256 с.
13. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 288 с.
15. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. С. 776–782.
16. Токарев Г. В. Материалы к словарю обыденных мер. Тула: ТППО, 2016. 128 с.

17. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
18. Georges R. A. and Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle // *The Journal of American Folklore*. 1963. Vol. 76, N 300. P. 111–118.
19. Taylor A. *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley ; Los Angeles: University of California Press, 1951. 959 p.

References

1. Anikin V. P. *Russkiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor* [Russian proverbs, sayings, riddles and folklore]. Moscow, State Teaching and Learning Publishing House of the Ministry of Enlightenment of RSFSR. 1957. 239 p. [In Russian].
2. Dahl V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1955. Vol. 1. 699 p. [In Russian].
3. Dahl V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, RIPOL classic publ. 2006. Vol. 4: R–Ya. 667 p. [In Russian].
4. Zhurinsky A. N. *Semanticheskaya struktura zagadki: nemetaforicheskiye preobrazovaniya smysla* [Semantic structure of riddles: Nonmetaphorical transformation of sense]. Moscow, Nauka. 1989. 128 p. [In Russian].
5. Kovshova M. L. *Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovitsakh, pogovorkakh i idiomakh* [Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms]. Moscow, LENAND. 2019. 352 p. [In Russian].
6. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings]. Moscow, LENAND. 2019. 395 p. [In Russian].
7. Kovshova M. L., Gudkov D. B. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguoculturological Terms]. Moscow, Gnozis. 2017. 192 p. [In Russian].
8. Kovshova M. L., Orlova O. S. *Zagadki o rozhdenii: opyt kognitivno-lingvokul'turologicheskogo analiza* [Riddles about birth: an experience of cognitive-linguocultural research]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2018. Issue 35. Pp. 44–51. [In Russian].
9. Kovshova M. L., Orlova O. S. *Kognitivnyy analiz zagadok i kul'turologicheskiy kommentariy: opyt issledovaniya* [Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2020. 2 (41). Pp. 97–101. [In Russian].
10. Orlova O. S. *Kognitivno-lingvokul'turologicheskoye issledovaniye evfemizmov na temu rozhdeniya* [Euphemisms about birth: cognitive-linguocultural research]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2019. Issue 36. Pp. 403–413. [In Russian].
11. Levin Yu. I. *Semanticheskaya struktura zagadki* [Semantic structure of riddles]. *Paremiologicheskiy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow, Nauka, 1978. Pp. 283–314. [In Russian].
12. Mitrofanova V. V. *Zagadki* [Riddles]. Leningrad, Nauka. 1968. 256 p. [In Russian].
13. Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Russian Folk Riddles. The Book of Riddles, Questions, Similitudes and Problems]. Saint Petersburg, Printing Office of N.A. Lebedev. 1876. 333 p. [In Russian].

14. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola. 1996. 288 p. [In Russian].
15. Teliya V. N. Poslesloviye. Zamysel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovarya novogo tipa [Afterword. The idea, goals and objectives of a phraseological dictionary of a new type]. *Bolshoy frazeologichesky slovar russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kulturologichesky commentary* [Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy]. 2006. Moscow, AST-Press, Pp. 776–782. [In Russian].
16. Tokarev G. V. *Materialy k slovaryu obydennykh mer* [Materials to the dictionary of everyday measures]. Tula, TPPO publ. 2016. 128 p. [In Russian].
17. Toporov V. N. Iz nablyudeniy nad zagadkoy [From observations over riddles]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1. Moscow, Indrik publ, 1994, Pp. 10–117. [In Russian].*
18. Georges R. A. and Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle. *The Journal of American Folklore*. 1963. 300 (76), Pp. 111–118.
19. Taylor A. (1951). *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley and Los Angeles, University of California Press, 1951. 959 p.

Сведения об авторах

Ковшова Мария Львовна –
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник сектора
теоретического языкознания
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: kovshova_maria@list.ru).

Олова Ольга Сергеевна –
младший научный сотрудник
сектора теоретического языкознания
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru).

Information about the Authors

Kovshova Maria Lvovna,
Doctor of Philology, leading researcher of the
Department of theoretical linguistics of the
Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: kovshova_maria@list.ru).

Orlova Olga Sergeevna,
junior researcher of the Department of
theoretical linguistics of the
Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru).